

УДК 316.32
ББК 60.52
Э 55

Э.Э. Эмирбекова,

кандидат юридических наук, доцент филиала Южного федерального университета в г. Махачкале, тел.: +7(8722)99-95-49, e-mail: elena_1980@mail.ru

СУБЪЕКТИВАЦИЯ ВЛАСТИ В ПРОСТРАНСТВЕ ЛИЧНОСТИ

(Рецензирована)

Аннотация. В представленной статье анализируется процесс инкорпорации власти в пространстве личности, ее внутрличностное измерение. Автор статьи основывается на понимании власти как «порождаемой» габитусом личности, схемами представления и восприятия власти, продуцируемыми в контексте социальных диспозиций личности, формирующих смысл и границы ее пространства.

Ключевые слова: власть, пространство личности, габитус, господство, субъективация.

E.E. Emirbekova,

Candidate of Jurisprudence, Associate Professor of Branch of the Southern Federal University in Makhachkala, ph.: +7(8722)99-95-49, e-mail: elena_1980@mail.ru

SUBJECTIVATION OF THE POWER IN PERSONALITY'S SPACE

Abstract. In the presented paper, incorporation of the power in space of the personality and its intra personal measurement are analyzed. The author is based on understanding of the power as the personality “generated” by habitus, by the schemes of representation and perception of the power produced in the context of the social dispositions of the personality forming sense and borders of its space.

Keywords: power, space of the personality, habitus, domination, subjectivation.

В связи с тем, что в современной социально-философской мысли практически утрачена монополия на проблему «личность – власть» и личности приписываются качества политической субъектности (эта тенденция была заметна со времен Н. Макиавелли и утвердилась в работах Дж. Вико), в социально-философской рефлексии важность обретает сохранение собственных позиций в осмыслении данной проблемы. Де факто, современная социально-философская мысль отдала на откуп отношения личности и власти социологической

и социально-психологической проблематике. Это произошло и происходит потому, что за философией, особенно в ее экзистенциалистском, неофрейдистском выражениях, сохранилась позиция гуманизма, провозглашение личности высшей самоценностью и определение власти как сугубо враждебной, доходящей до социального невротизма силы, о чем свидетельствовали работы К. Хорни, А. Салливан, Г. Маркузе, Э. Фромма.

Полагая, что власть в пространстве личности содержит социально-

философскую рефлексию, следует исходить из понимания власти как инкорпорированной в пространство личности, присутствующей в ней не только на уровне выявления негативных коннотаций, но и позитивно созидательной силы. Классическая социально-философская мысль не смогла преодолеть барьер отчуждения между абстрагированием по поводу разумности власти и возможностью ее ограничения через правовые механизмы, в то время как в русской философии очевидно перемещение проблематики с позиции исследования влияния власти как социальной силы на утверждение безвластия и выдвигание в качестве альтернативы бескорыстного социального служения.

Такой подход, ориентируя на внутреннюю свободу, морально-нравственное и духовное совершенствование, сужает возможности критического осмысления власти или приводит к анархизму, делегитимации власти, смещению приоритетов личности на заботу о семье и близких. Данное утверждение не является обоснованным, поскольку понимание пространства личности как безвластного, противостоящего власти, в равной степени как и растворение в структуре власти, не оставляет места размышлениям о том, как власть интериоризируется в структуре личности, становится ее самостью и в какой степени личность в рамках самосохранения и самореализации включает власть как личностный ресурс. Рассматривая внутриличностное измерение власти, следует исходить из того, что речь идет не только о выдающихся личностях, обладающих властью, о тех, кого М. Вебер изображает харизматиками или, в более быденном смысле, профессиональными политиками, цель социально-философской рефлексии заключается в том, чтобы власть постигалась в контексте воспроизводства личности, процессов ее интернализации и экстернали-

зации, в контексте включения власти в поле деятельности личности и как формы ее самовыражения, самопрезентации.

Можно говорить о том, что внутриличностное измерение власти, ее субъективация связано с определением того, что является личностью, каковы уровни самопостижения личности, для кого личность является другим. Рассматривая власть в пространстве личности, также следует говорить о том, что существующее разделение на властимущих и власть для маленького человека, как писал неопрейдист В. Райх, необходимо для начала убить того, кого ты считаешь угнетателем, то есть быть одержимым своим освобождением [1; 6]. Иными словами, трудно прийти к пониманию власти в пространстве личности, если руководствоваться социологическими категориями, а также открывать эту проблему рассуждением о реализации социальной справедливости.

Таким образом, внутриличностное измерение власти не может определяться ее регламентацией и выявлением того, каковы размеры вмешательства государства и власти в личную жизнь, и узнавание, как писал Спенсер, того, что должно делаться для граждан, и того, что власть, по выражению Спенсера, может казаться единственным практическим способом отношения к проблемам граждан. Говоря об интересе к внутриличностному пространству, к тому, что нельзя отводить социальной философии демифологизирующую функцию, социально-философская рефлексия основывается на понимании личности в ее многомерности, в том, что пространство личности самоформируется, связано и с телесностью (психофизиологическими потребностями), базовыми потребностями личности, и с ее идеальностью, самосознанием.

Внутриличностное измерение пространства по существу явля-

ется ядерным, конструирующим властное поле личности. Личность не есть просто статичное образование, но всегда результат развития в процессе взаимодействия с социумом. Но понимать это следует не через непосредственную соотносительность, а через объективацию социальных требований и правил, которые транслируются для личности в виде распоряжения, подчинения, ассоциируемых с властью. Для личности, и эта проблема своеобразно обыгрывается Т. Адорно в рассуждениях об авторитарной личности, существует синдром «садомазохизма». Т. Адорно утверждает, чтобы достичь интернализации социального управления, которое никогда не дает личности столько, сколько требует, отношение последней к авторитету и его психологической силе (суперэго) приобретает иррациональный аспект: субъект достигает своей социальной приспособленности, только получая удовольствие от подчинения субординации [1; 239].

Прежде всего следует упомянуть, что личность преподносится в виде генетически обусловленного результата всех взаимодействующих и входящих в нее элементов, подчиняющихся законам природы как и иные живые организмы. Практически ее это трансформируется под влиянием суперэго, когда любовь, как проявление психически бессознательного, табуируется, а личность является в качестве игры садомазохизма, становится обладающей способностью получать удовольствия от подавления и, одновременно, подавать импульсы ненависти, конструировать внешнего врага как способ компенсации своего угнетенного состояния.

Разумеется, рассуждения Т. Адорно вписываются в общую канву неотрефлексированности, но они замечательны тем, что в отличие от классической философской парадигмы задается вопрос о хрупкости пространства личности, о ее включен-

ности независимо от самосознания индивида в цикл подавления. Личность подвергается атакам власти и в виде культурных и поведенческих образцов, и в контексте идеологической обработки. Необходимо отметить, что пространство личности, таким образом, становится пространством внедрения, интрадуцирования образцов, готовящих личность. Можно ли в таком случае говорить об автономности пространства личности, если она в целом подвергается конструированию власти? Пространство личности, открытое власти, перестает быть пространством, потому что утрачивает признаки автономности. Исходя из того, что пространство личности есть совокупность позиций, определяющих внутренние и внешние параметры жизнедеятельности личности, ее развитие и самосохранение, параметры, которые определяются границами взаимодействия с другими, внутриличностное измерение власти должно характеризоваться ее способностью достигать равновесие с самим собой и способностью экспансировать в собственное пространство импульсы, позволяющие обеспечить достаточный уровень его развития, ее самореализации.

В описанной Т. Адорно схеме предопределяется естественная личность, которая обязательным образом подлежит идеологической и социальной обработке, вырабатывает авторитарный синдром, замещает свою независимость негативным переносом. Для понимания проблемы «власть в пространстве личности» такой подход представляется критически разрушительным, поскольку неизбежно переносит ответственность, и рефлексия становится беспредметной, поскольку у авторитарной личности отсутствует то, что, собственно, подлежит философскому размышлению – ее разумность, независимость, автономность.

Исследователи констатируют процесс нарастания безответствен-

ности или конформизма, садомазохизма, но при этом сущность личности, как ее интегрирующее основание, позволяющее ей быть самой собой, утрачивается. Соответственно, власть перестает быть личностно-созидающей, ее внешние воздействия свидетельствуют о беспомощности попыток быть личностью, хотя могут и побуждать к гуманистическим экспликациям. Французский философ А. Кожев, разрабатывая понятие власти, отмечает, что объективированная власть есть возможность действовать бескомпромиссно [2; 18]. Создается впечатление, что для Кожева власть также выступает бесстрастной, разрушающей, требующей подчинения силой. Кожев обращается к более суженному восприятию власти – политической власти. Для него власть по определению принадлежит государству, которое, тем не менее, нуждается в реальном базисе, материальном, чтобы существовать в пространственно-временном мире. Этот базис составляют индивиды или группы индивидов [2; 98]. Речь у Кожева идет только о том, что власть может быть либо автономной, либо зависимой, властью вождя или чиновника. Таким образом, пространство власти существует только в наиндивидуальном уровне потому, что власть вождя – это индивидуальная персонализация государства; власть чиновника – коллективность, которая осуществляет свою власть в зависимости от власти вождя. В такой субординации сложно говорить о внутриличностном измерении власти, так как власть контролирует личность, навязывает волю личности: даже вождь, несмотря на безраздельность и беспредельность власти, является вождем, поскольку вынужден сохранять и укреплять власть; без власти вождя ждет безвестность и низвержение.

Таким образом, возникает разделение: если личность стремится к автономии пространства, эта авто-

номия не является автономией власти; если же личность включена в систему власти, она становится лицом или испытывает эффект персонализации, наделяется сверхъестественными свойствами. Является ли это следствием врожденных характеристик параметров личности (неофрейдизм) или определяется констелляцией социальных обстоятельств? Возможен ли в этом случае выбор самой личности? Каковы границы внутренней свободы личности, чтобы приручить, освоить или отвергнуть власть? По этому поводу можно говорить, что рефлексия зрелого состояния личности, принимающей власть как ресурс осознанного действия, как свидетельство автономности личности, полноты ее жизненного существования, требует философских экспликаций, связанных с пониманием власти как осознания возможности самоконтроля, самоорганизации, подчинения логике возможностей. Если утверждать позитивное значение власти, отказать от эскалации негативных коннотаций, власть в пространстве личности становится ресурсом, если ей приписывается жизнестроительный смысл, если власть воссоздает добровольные черты характера в отличие от регресса авторитарной личности.

В конечном счете, обращение неофрейдизма к подавляющей силе власти как воздействию культуры отрицает возможности стремления личности к самосовершенствованию и самоактуализации. Гуманистический подход (С. Кьеркегор, Ж.П. Сартр, В. Франкл, Э. Фромм, М. Хайдеггер, К. Ясперс) демонстрирует и нацеливает на понимание личности как свободного, целостного, уникального образования, как свободного, целостного, уникального индивида, обладающего способностью к проективности, к сотворению новых жизненных горизонтов, к самоответственности.

И неофрейдистский, и экзистенциалистский подходы можно

объединить по интегративным показателям гуманизма, так как отстаивается самоценность личности, право на противодействие власти. Но если в неофрейдистском подходе положение личности оказывается безнадежным, то экзистенциализм претендует на то, что люди должны взять на себя ответственность за выбор и направление своей судьбы, и в том, чтобы не избегать свободы и ответственности, есть возможность личности идти наперекор обстоятельствам, избавиться от ложного осознания, порождаемого метафизикой власти. И вождь, обладающий полнотой власти, и статист, исполняющий волю власти, ведет неподлинное, неаутентичное существование. Поэтому нельзя говорить о пространстве личности, точнее, речь идет о фрагментированном, социально изреженном пространстве, пространстве, в котором личность проявляет себя только частично, становится «man», массовым человеком.

Тем не менее, и в позитивном гуманистическом пафосе прослеживается свобода отчаяния. Пространство личности – это то, что если личность ориентируется на власть как право и способность к осуществлению выбора, требуются усилия, чтобы познать границы своего пространства, подвергать критическому осмыслению собственную жизнь, нацеливаться на то, чтобы сжигать старые мосты и возводить новые. Такая философская конструкция, конечно, далека от реальной личности, погруженной в повседневность. Говоря о том, что внутриличностное является производным от внутреннего, субъективного мира человека, понимаемого как целостность ценностной и рациональной сфер, можно сделать вывод о компромиссности позиции о том, что личность должна осознавать свою самоценность, но при этом актуализировать ее в соответствии с обстоятельствами, быть не идеальной, а в той степени, в какой

это совпадает с ее рациональными устремлениями.

Позиция К. Поппера заключается в том, что власть в пространстве личности – это способность к рациональному самоконтролю, к тому, чтобы подчинить прекрасные планы логике существующего. Предвидя попытки в принуждении к конформизму, в критическом рационализме Поппера закладывается мысль о том, что пространство в классической традиции соответствует неопределенному или безграничному, а идея должна соответствовать определенному [2; 263]. Допуская, что власть презентуется как идея для личности, возникает проблема перевода неопределенности в определенность, в упорядоченность. Однако Поппер старательно и последовательно избегает такого вывода, так как пространство личности для него не является законченным, гармоничным, оно открыто для того, чтобы личность действовала рационально, основываясь на объективном социальном знании, была «технологичной».

Можно ли считать позицию Поппера контрастирующей по отношению к гуманистической? Критический рационализм не отказывается от идеи гуманизма, понимая ее как свободу личности, но в этом смысле предупреждает о необходимости отказаться от всяких планов радикально изменить мир. Поэтому личность должна создавать свое пространство исходя из тех целей, которые диктуются повседневностью. Как быть в этом случае с исправляющим паноптическим корректирующим воздействием власти как объективированной силы? На этот счет Поппер полагает, что личность должна отказаться от уникальности в пользу совпадения с другими как множественностью автономных личностей, осознающих свою ответственность. Последовательная критика Платона, Маркса, в целом холистской философии требует настаивать на

позициях разума, на том, что пространство личности есть пространство порядка. Поппер отстаивает принцип суверенитета личности, разводя понятия блага и мудрости. Личность не может быть безупречным моралистом. На примере интеллектуальных созерцаний (Сократ) он приходит к выводу, что для обыденного сознания характерна внешняя трактовка власти как сохранения лояльности по отношению к государству. Что же касается внутриличностного измерения власти, оно оценивается не по критерию профессиональной учености, а в том, чтобы личность была антиавторитарна, что во многом власть раскодируется для личности в процессе демократического обучения.

Внутриличностное измерение власти связывается с первичным телесным уровнем (уровнем корпускулярности, телесности), когда личность придает телу заявку на власть. Это может выражать и в том, что телесность становится знаком физического превосходства, демонстрирует склонность к насилию или возможность применить насилие. Неслучайно властолюбием может замещаться недостаток власти, при желании властолюбие может компенсироваться насилием. Физическое насилие представляет форму доминирования, форму грубой власти, власти, которая утверждается в межличностных отношениях, в то время как насилие над собой является реакцией личности на слабость, ущемленность, притесненность, неудачливость.

В этом контексте личность делает выбор в пользу агрессивности, и можно говорить об актуализации теории авторитарной личности. Физическое насилие может выступать и обратной стороной безусловного подчинения. В армии, как закрытой дисциплинарной системе, возможны эксцессы насилия в условиях жесткой субординации действий. Вместе с тем телесность

не соотносится с самосознанием власти. Сосредоточенность на телесности приводит к тому, что власть воспринимается реактивно, эмоционально и не включается в рационализацию стремлений личности. Говоря об этом, можно привести, с одной стороны, пример Т. Адорно, объясняющий ненависть к евреям за их осторожность и физическую хрупкость [3; 241], однако не случайно также, что и в сталинском Советском Союзе парады физкультурников были не только символической физической единения народа, идеологической присягой, но имели характер демонстрации физической силы как приобщенности к власти. В последнем случае власть инкарнируется в образ должной личности – личности, которая телесно вовлечена в обаяние власти.

Отмечая, что на внутриличностном уровне, понимаемом как субъективная реальность, телесность соотносится с чувственностью, желаниями, хотениями, имеется в виду, что телесность нуждается в упорядочивании, дисциплинированности, что личность на этом уровне не способна к самоорганизации и презентует себя как носителя эгоистических импульсов. Самосознание, самооценка личности связывается с утверждением разумности человека, с осознанием совместимости внутренней свободы и самоограничения желаний. Внутренняя свобода трактуется как состояние разумного контроля, как то, что позволяет личности делать выбор, сохраняя способность и ориентируясь на признание должного.

В этом смысле власть во внутриличностном измерении показывает свою транспарентность, то есть возникает ситуация продуктивной власти. Свобода действий, как отмечал П. Бурдье, основывается на том, что во внутриличностном измерении приоритетным становится культурная компетентность, что интернализация власти превра-

щается в когнитивную структуру личности, в ее собственную логику действий. Телесность относится к габитусу. Определенное поведение и стиль жизни (габитус) связаны с тем, что личность создает ситуацию наличия или дефицита ресурсов. Так как габитус формирует социальное поведение, эстетическое восприятие, речь, осанку или вкус личности [4; 70], можно говорить о том, что телесность утрачивает свою самостоятельность, поскольку индивид инкорпорирует наличие или нехватку ресурсов. Таким образом, в личности присутствует вера, дух в среду, в которой она рождается. Социальная разумность трактуется как наличие символической власти. Иметь символическую власть – значит, быть в состоянии определить, какое мировоззрение следует считать легитимным. В этом уже закладывается степень согласия человека с другими. Концептуализируя пространство личности, Бурдье описывает его как один из вариантов общественного. Если габитус задает возможность отклонения от заданного обществом курса, то власть есть та мера свободы и гибкости, которую личность прилагает, ориентируясь на возможности и условия социальной структуры.

Для Бурдье личность – это актер, действующий подобно игрокам, осознающим свои ограничения и правила, которые действуют в определенной среде, соблюдая их творчески, свободно и добровольно. Личность ограничена здравым смыслом, процедурой рутинизации, но не так как это может показаться в виде сверхдетерминированности. Власть, таким образом, есть возможность маневрирования, гибкость, употребление социальных ресурсов, а пространство есть сфера реализации выбора. Внутриличностное измерение власти, тем самым, определяется свободой индивида действовать, отклоняясь от нор-

мы. Очевидно, что позиция П. Бурдье связана с утверждением трех основополагающих признаков. Во-первых, власть не есть ни телесное, ни разумное, а то, что определяя контроль над телесностью, формируя телесность, включает ориентацию на возможность действовать свободно, отклоняясь от общественных ограничений, но не следуя буквально правилам социального разума. Во-вторых, власть реализуется во внутриличностном измерении в рамках пространства личности, совокупности ее позиций, связанных с распределением ресурсов, и личность в этом смысле самопознает себя, оценивает наличие или дефицит ресурсов. В-третьих, внутриличностное измерение власти не основано на логике здравого смысла, приобретает значение символической власти, возможности оценить себя как субъекта, самостоятельно распоряжающегося своей судьбой. Даже в том, что может быть интерпретировано как влияние внешней среды, личность утверждает свое право на автономность тем, что создает неординарные ситуации, нацелена на раскрытие и поиск скрытых возможностей.

Можно говорить о том, что внутриличностное измерение власти связывается с ее совмещением с внутренней свободой личности, с ее возможностью действовать гибко на основании использования собственных ресурсов. Во-вторых, пространство власти, как совокупность отношений, характеризующих осознание личностью самой себя и ее взаимодействие с другими и с обществом как символическим универсумом, требует создания представления о пространстве как субъективной реальности, в которой для личности важное значение приобретает символическая власть как способность представлять собственную автономность и навязывать эту позицию другим.

Примечания:

1. Психология и психоанализ власти. Т. 1. М., 1999.
2. Кожев А. Понятие власти. М., 2007.
3. Психология и психоанализ власти. Т. 2. М., 1999.
4. Политика и личность. Харьков, 2012.

References:

1. Psychology and psychoanalysis of power. V. 1. M., 1999.
2. Kozhev A. The concept of power. M., 2007.
3. Psychology and psychoanalysis of power. V. 2. M., 1999.
4. Politics and personality. Kharkov, 2012.